

Воинские формулы в «Повести временных лет»

© Н. В. ТРОФИМОВА,
доктор филологических наук

В статье рассматривается первый этап становления устойчивых словосочетаний воинского повествования в составе летописного текста, выявлены основные формулы и показана их вариативность.

Ключевые слова: воинская формула, «Повесть временных лет», Новгородская I летопись, тропы.

Изучение литературных формул – одно из традиционных направлений в исследованиях древнерусских памятников, начиная с работ А.Д. Галахова [1], В.О. Ключевского [2] и заканчивая современными исследованиями, ныне особенно активно ведущимися. Как и на начальном этапе изучения агиографии, это направление постоянно присутствует в филологических изысканиях. Причина тому – обширнейший материал, который трудно охватить в целом, ставящий перед исследователями самые разнообразные вопросы как теоретического, так и историко-литературного характера.

Набор распространенных воинских формул впервые был представлен в работах А.С. Орлова [3; 4], а затем расширен в статье Е.А. Прохазки [5]. В исследованиях Д.С. Лихачева [6] и О.В. Творогова [7; 8] появилось разграничение устойчивых литературных формул и устойчивых словосочетаний, оформляющих их.

В данной работе нас интересуют именно устойчивые словосочетания воинского повествования в «Повести временных лет» (далее – ПВЛ), поскольку это первый дошедший до нас летописный памятник, про-

низанный от начала до конца воинской тематикой и предоставляющий материал для наблюдений над начальной стадией формирования стилистических приемов воинских описаний. Формулы появляются здесь и в погодных записях, и в сюжетных рассказах, по жанру представляющих собой летописные воинские повести. Обратимся к сопоставлениям формул в ПВЛ и в тех частях Новгородской I летописи (далее – НЛ), которые, по мнению исследователей, восходят к Начальному своду (до 1016 и 1053–1074 гг.). Такое сравнение поможет выявить возможное время возникновения отдельных формул и их особенности именно в рамках ПВЛ.

Первой среди выделенных исследователями формул появляется в тексте ПВЛ структурная формула судьбы побежденных в рассказе о походе Олега на Царьград в 907 году: «и овех посекаху, другыя же мучаху, иныя же растреляху, а другыя в море вметаша» [9]. Эта конструкция носит распространенный характер: в ней четыре компонента, что было далеко не частым явлением. Вообще эта формула могла иметь два и более членов, местоимения в начале каждого могли меняться. Отметим, что в списках НЛ аналогичная повесть о походе Олега на Царьград помещена под 6430 (922) годом, а этот фрагмент отсутствует. В ПВЛ ту же формулу встречаем в рассказе о неудачном походе Игоря на Византию в 941 году (ее тоже нет в НЛ), в повести 1034 года о походе Ярослава против печенегов: «и овиш, бегающе, тоняху в Ситолми, иinei же во иных реках, и тако погибоша, а прок их пробегоша и до сего дъни». Нужно думать, что в ранней части Начального свода эта формула еще не использовалась, а была введена в ПВЛ.

Аналогичные сообщения находим в повести о походе русских князей против торков в 1060 году, которая указывает на то, что бежавшие после битвы торки умерли «овиш от зимы, друзиш же гладом, иниш же мором судом Божиим». В повести 1068 года рассказано о победе Святослава Ярославича над половцами и гибель врагов описана формулой-конструкцией без первого указательного местоимения: «И тако изби я, и друзиш потопоша в Сньви, а князя их руками яша в 1 день ноября». Варианты формулы есть в аналогичных повествованиях НЛ: «ови от зимы изомроша, другыя же гладом» [10], «и тако биemi, а друзиш истопоша в Снови, а князь их яша Шаракана в 1 день ноября». Сравнение формул в данном случае дает представление о некоторой стилистической переработке в ПВЛ: в первом случае вместо двух компонентов конструкции используются три, во втором опускается имя половецкого хана и используется устойчивый оборот *руками яша*. Период, к которому относятся сообщения, мог быть зафиксирован еще в Первом Киево-Печерском своде и воспроизведен в Начальном. Таким образом, эта формула-конструкция в ПВЛ пришла из предыдущих сводов, но, вероятно, именно в ней была внесена в ранние сообщения.

Вторым по времени и самым распространенным появляется в ПВЛ оборот, условно определяемый, как формула начала битвы. К ее истории в летописных воинских повестях мы ранее обращались в отдельной работе [11], поэтому приведем только выводы, касающиеся ПВЛ.

Вид этой формулы вариативен: первая группа с определяемым *сеча* (всего 10) и эпитетами *зла* (5 случаев), *велика* (2), *сила* (2), *сила и страшна* (1); вторая группа с определяемым *брань* (всего 8) – и эпитетами *лота* (3), *зла* (1), *крепка* (2), *велика* (1), без эпитета (1). Вариативность определяемых, эпитетов, а также грамматических форм (наряду с существительным в именительном падеже в формуле мог использоваться дательный самостоятельный) говорит о том, что формула находится в стадии становления, причем летописцы ищут наиболее яркое определение явления. Примечательно, что сочетания с определяемым «брань» в древнейшей части встречаются только дважды: под 941 годом и под 965 годом (восходит к Начальному своду). Определяемое *сеча* содержится в части текста ПВЛ в 971 и с 1016 по 1078 годы, а *брань* снова – в более поздней с 1093 по 1111 годы. Возможно, что обозначенные временные промежутки совпадают с границами творчества определенных летописцев: первый либо принадлежит древнейшему своду, рассказывавшему о первых русских князьях, либо вставкам автора начального свода и создателей ПВЛ, второй почти полностью укладывается в рамки так называемого Первого Киево-Печерского свода, который А.А. Шахматов датировал 1073 годом [12. С. 379]. Только формула в записи 1078 года противоречит этой датировке. В промежутке до 1093 года формула больше не встречается вовсе, и этот промежуток совпадает в основном со временем, которое Шахматов относил к творчеству летописца, создавшего около 1095 года Начальный свод. В последней части, принадлежащей уже собственно создателям ПВЛ, в формуле используется слово *брань*. При этом в той части ПВЛ, где в формуле имеет место только определяемое *сеча*, слово *брань* тоже употребляется, но не в формуле начала битвы [13].

Эпитеты, которые находят летописцы для характеристики сражения, отличаются выразительностью, за исключением слов *сила* и *велика*, которые обозначают количественную характеристику. Неслучайно в одном фрагменте летописец к слову *сила* для усиления впечатления добавляет второй эпитет: *и страшна*. Все же прочие: *зла*, *лота*, *крепка* – метафорические, ярко подчеркивающие напряжение битвы.

Появляются и формулы, обозначающие количество войск до и после сражений. Формула, которая затем станет наиболее продуктивной, – *в силе тяжьще* – впервые зафиксирована в повести об осаде Киева печенегами под 968 годом, вместе с ней использована синонимичная формула *беисчисленое множество* (обе формулы есть в НИЛ).

В рассказе о походе Ярослава против Святополка в 1019 году первый оборот указывает на количество воинов Святополка (в НИЛ под 1016 го-

дом *бецисла множество вои*), Ярослав же *собра множество вои*. В статье 1034 года о походе Ярослава на печенегов появляется более краткий вариант формулы: врагов было *бецисла*. Соединение двух вариантов встречаем в рассказе о походе Ярославичей и Всеслава против торков в 1060 г.: «совокупивше воя *бецислены* и поидоша на коних и в лодьях *бецисленое множество*» (в НЛ *вои бецисла*, весь остальной текст совпадает). Таким образом, этот круг формул возник в сводах, предшествующих «Повести временных лет».

Собственно, в ПВЛ множество войск начинает определяться формулой, основанной на сравнении (о походе князей против половцев в 1103 году говорится: «и поидоша полци *половецстии аки борове* и не бе презрити их»), причем значение сравнения усиливается следующей за ним гиперболой. Усиление этой формулы обнаруживается в рассказе о походе против половцев 1111 года: *половцы «собраша полки своя многое множество и выступиша яко борове велици и тмами тмы»*. В данном случае обнаруживаем три синонимичных оборота: первый тавтологический, второй – сравнение с усиливающим эпитетом *великий* и третий гиперболический, образованный соединением однокоренных слов.

Малое количество войск Олега, бежавшего после неудачной битвы на Нежатиной Ниве, определено так: «побеже Олег *в мале дружине*». Редкая на этом этапе формула в дальнейшем будет использоваться и для определения малого количества войска, выступившего в поход.

Относительно устойчивый вид получает уже в ПВЛ формула *гонимы гневом Божиим* по отношению к врагам Руси или князьям-крамольникам. Она появляется по отношению к Святополку Окаянному под 1019 годом, к торкам в повести 1060 года «и помроша бегаючи *Божьим гневом гоними*» [9. С.152; 10. С. 183]. Только в повести о походе против половцев в 1111 году видим ту же мысль выраженной иначе: «Бог вышний возре на иноплеменники со гневом, падаху пред хрестьяны».

Стилистические обороты, которым в дальнейшем предстоит стать формулами, сконцентрированы в Повести о битве на Альте между Святополком и Ярославом. Помимо уже упоминавшихся, находим следующие обороты: *и за руки емлюче сечахуся* (определение рукопашного боя), *по удольем кровь течаше*. Первый из них будет повторяться практически без изменений в дальнейших воинских повествованиях, а второй будет менять облик, чаще всего превращаясь в сравнение: «и течаше кровь христианская, *яко река сильная*». О судьбе победителя Ярослава сказано также фразой, использующей будущую формулу: «седе в Кыеве, *утер пота с дружиною своею*, показав победу и труд велик» (заметим, что это описание в целом помещено в НЛ под 1016 годом, но последняя формула отсутствует).

Появляются в ПВЛ и контексты, соединяющие образы битвы и грозы в виде сравнений, на основе которых в дальнейшем возникают воин-

ские формулы. Это изображение Лиственской битвы под 1024 годом: «И бысть сеча силна, яко посветяше мълнья и блисташася оружья, и бе гроза велика и сеча силна и страшна».

В повести 1111 года также показана битва при помощи сравнения с грозой: «И зразишася первое с полком и тресну аки гром сразившемася челома, ... и возревше половци *вдаша плещи свои на бег*».оборот *вдаша плещи своя* также становится формулой.

К той же группе относится сравнение, использованное в рассказе о междоусобной войне 1097 года *идяху стрелы акы дождь* [9. С. 247; 13. С. 272 – дождь].

Начинает складываться формула победоносного возвращения войска. В повествовании о поединке юноши-кожемяки и печенег заключительная часть сообщает об окончательном изгнании печенегов войском Владимира, заложении Переяславля, возвышении юноши и его отца и возвращении князя в Киев *с победою и славою великою*. Этот оборот также появляется в повести 1103 года о походе против половцев: «и придоша в Русь с полоном великим и *с славою и с победою великою*». В Лаврентьевской летописи в повести 1107 года о походе Русских князей против половцев к Лубну используется усеченный вид формулы: «възвратишася в своя си *с победою великою*» [13. С. 282] (в Ипатьевской летописи пропуск текста).

Таким образом, в восемнадцати летописных статьях ПВЛ (907, 941, 965, 968, 971, 993, 1016, 1019, 1024, 1034, 1060, 1068, 1078, 1093, 1097, 1103, 1107, 1111) наблюдаем определенный этап формирования двенадцати воинских формул. Самая распространенная из них и поэтому наиболее вариативная – формула начала битвы. В ней изменения касаются и лексики, и грамматических форм, причем в вариантах наблюдается временная локализация, позволяющая говорить о возможных предпочтениях отдельных летописцев. Второй по распространенности оказывается формула-конструкция судьбы побежденных. Более устойчивый вид при меньшем количестве случаев обнаруживают формула поражения как результата Божьего гнева и формула победоносного возвращения.

Особый интерес представляет повествование о битве Ярослава со Святополком в 1019 году, зафиксированное под 1016 годом и НЛ. Здесь возникает набор уникальных оборотов, в дальнейшем превращающихся в воинские формулы.

Сопоставляя формулы, появляющиеся в ПВЛ и тех частях НЛ, которые восходят к Начальному своду, можно прийти к выводу о том, что значительная их часть создается именно более поздним памятником, причем это те формулы, которые связаны с использованием образных средств – сравнений, эпитетов, тавтологии. Не все они приобретают окончательный вид в этом памятнике, но основа их заложена именно создателями «Повести временных лет».

Литература

1. *Галахов А.* История русской словесности, древней и новой. Изд. 2-е. СПб., 1880. Т. 1. Отдел 1. Древнерусская словесность.
2. *Ключевский В.О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871.
3. *Орлов А.С.* О некоторых особенностях стиля великорусской исторической беллетристики 16–17 вв. СПб., 1909.
4. *Орлов А.С.* Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая 17 в.). М., 1902.
5. *Прохазка Е.А.* О роли «общих мест» в определении жанра древнерусских воинских повестей // ТОДРЛ. Л., 1989. Т. 42. С. 228–240.
6. *Лихачев Д.С.* Поэтика древнерусской литературы // *Лихачев Д.С.* Избр. работы. Л., 1987. Т. 1. С. 261–654.
7. *Творогов О.В.* Задачи изучения устойчивых литературных формул Древней Руси // ТОДРЛ. М.-Л., 1964. Т. 20. С. 29–41.
8. *Творогов О.В.* Традиционные устойчивые словосочетания в «Повести временных лет» // ТОДРЛ. М.-Л., 1962. Т. 18. С. 277–284.
9. *Ипатьевская летопись* / ПСРЛ. М., 1998. Т. 2.
10. *Новгородская I летопись старшего и младшего изводов* / ПСРЛ. М., 2000. Т. 3.
11. *Трофимова Н.В.* «И бысть сеча зла и ужасна» (Эпитеты начала битвы в летописях) // Русская речь. 2010. № 1. С. 69–75.
12. *Шахматов А.А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах // *Шахматов А.А.* Разыскания о русских летописях. М.-Жуковский, 2001.
13. *Творогов О.В.* Словоуказатель к «Повести временных лет» по Лаврентьевскому списку // *Лаврентьевская летопись* / ПСРЛ. М., 1997. Т. 1. С. 608.

*Московский педагогический
государственный университет*